

Д.Б. Тарасенко

Н.В. Кирилов о российских корейцах начала XX в.

N.V. Kirilov about Russian Koreans in the beginning of XX century.

Представленное научное сообщение рассказывает об антропологических исследованиях корейцев на Дальнем Востоке России, проведенных врачом Н. В. Кириловым в начале XX века.

This scientific message narrative about anthropological research of Koreans of Russian Far East by doctor N. V. Kirilov in the beginning of XX century.

Николай Васильевич Кирилов (1860 – 1921) – врач, общественный деятель, исследователь Сибири и Дальнего Востока, действительный член Общества изучения Амурского края (1898 – 1915)¹, учитель, друг и соратник В.К. Арсеньева.

Основой настоящего сообщения послужили документы Российского государственного исторического архива Дальнего Востока² и работа Н.В. Кирилова "Корейцы. Антропологический очерк"³, большую часть которой (примерно 83% объема) составляют антропометрические данные и сведения о распространённых среди корейцев заболеваниях. Кроме того, были использованы монографии исследователя А.И. Петрова, изучавшего формирование корейской диаспоры в России во второй половине XIX – начале XX в.⁴

Кирилов изучал корейцев, проживающих на территории российского Дальнего Востока (в Уссурийском крае и под Благовещенском). Наблюдения проводились в марте 1902 г. в Посыетском участке (во время эпидемии оспы) и во Владивостоке, в марте – августе 1903 г. в Мауке на западном берегу Сахалина, в мае 1911 г. на Имане и в 1915 г. в бассейне реки Амгунь.

По мнению Н. В. Кирилова, предки корейцев – народ Когурё

¹ Даты Б.Д. Лищинского (Лищинский Б.Д. "Мой труд нужен здесь..." Н.В. Кирилов на Дальнем Востоке". – Владивосток, 2000. – С. 8.)

² РГИА ДВ, ф. 702, оп. 3, д. 555.

³ Кирилов Н.В. Корейцы. Антропологический очерк // Записки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Т. 9. Вып. 1. – Хабаровск: Типография Канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1913. – С. 1 – 117.

⁴ Петров А. И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60 – 90-е гг. XIX в. Владивосток, 2000. - 304 с.; Петров А. И. Корейская диаспора в России. 1897 – 1917 гг. Владивосток, 2001. - 400 с.

– жили по верхнему и среднему течению реки Сунгари (Северо-Восточный Китай)¹, а лингвисты, пишет он, относят корейцев к тунгусским или, вернее, южно-туранским народностям². Во II – IV вв. до н. э. предки современных корейцев заселили Корейский полуостров³. В России, продолжает Кирилов, корейцы появились вскоре после присоединения Уссурийского края. "В 1864 г. в Посъетском участке было официально основано первое корейское селение (*Тизинхэ*). В 1869 г. к нам их перешло до 7 000 человек. В 1871 г. [власти] особенно покровительствовали корейцам, считая их полезными для края земледельцами и огородниками: было основано селение *Казакевичи* в Верхне-Уссурийском участке, а также поселены были корейцы на Амуре в с. *Благословенном*, на 587 вёрст ниже Благовещенска"⁴.

По итогам всероссийской переписи населения, проведённой в январе 1897 г., в Приморской области насчитывалось 12 211 корейцев, а по данным на лето 1900 г. в Уссурийском крае числилось 16 000 корейцев, имевших русское подданство, и 11 000 корейцев, имевших подданство иностранное. Всего в Приморской области, по данным Кирилова, существовало 23 корейских деревни⁵.

Внешность корейцев Н.В. Кирилов описывал следующим образом: крупнее японцев, рост 161 – 164 см.⁶, голова круглая, цвет кожи лица пергаментно-коричневого оттенка (с медно-красным тоном). Волосы – тёмно-русые; брови чёрные или тёмно-русые, вытянуты в одну прямую линию; борода состоит из нескольких прямых длинных параллельных волосков, отсвечивающих рыжеватым оттенком. Усы часто из нескольких волосков торчат над углами рта. Причёска: волосы собирают в "шишку", из-за чего кажутся выше ростом⁷. Одевались корейцы в кофту и широкие белые шаровары.

В рационе питания корейцев было много растительной пищи – свежие овощи, которые ели сырыми, варёные бобы, чумиза и рис. Коровьего молока они не употребляли. Кирилов отмечает, что в пищевом рационе корейцев было много морских продуктов, таких как крабы, ракушки, рыба и морская капуста. Кроме того, среди них было распространено курение табака, который курили не только мужчины, но и женщины и даже дети с десятилетнего возраста. Кроме этого, добавляет исследователь, корейцы были склонны к употреблению крепких спиртных напитков, они быст-

¹ Кирилов Н. В. Корейцы. Антропологический очерк // Записки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Т. 9. Вып. 1. – Хабаровск: Типография Канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1913. – С. 6.

² Кирилов Н. В. Корейцы. Антропологический очерк // Записки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Т. 9. Вып. 1. – Хабаровск: Типография Канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1913. – С. 4.

³ Там же, с. 7.

⁴ Там же, с. 13.

⁵ Там же, с. 13 – 14.

⁶ Там же, с. 25.

⁷ Там же, с. 105 – 106.

ро пьянели и вели себя шумно¹.

Российских корейцев начала XX в. Кирилов разделил на поселенцев-крестьян, проживавших в Посъете, на Имане и в бассейне реки Амгунь, сезонных рабочих, рабочих морских промыслов Южного Сахалина и горожан – жителей Владивостока. Численность последних, жителей Корейской слободы, Николай Васильевич оценил в 1500 человек².

Основная масса корейских поселенцев к началу XX в. проживала в т.н. Посъетском участке, расположенном на юго-западе Южно-Уссурийского края. Территория участка представляла собой четырёхугольник суши, растянутый с юго-запада на северо-восток примерно на 150 км, начинающийся береговой линией Посъетского залива и примыкающий непосредственно к российской государственной границе с Кореей (16 км.) и Китаем (около 225 км.). По данным на 1 января 1899 г., здесь проживало 8 514 натурализованных корейцев, что составляло 61,3% от общего числа корейцев, имевших российское подданство³.

В Посъетском участке, пишет Кирилов, "деревни корейские раскинуты на большие расстояния, так как фанзы стоят среди полей небольшими группами; поездки совершаются или на быках, или верхом на лошади"⁴. Сведения о разбросанности корейских фанз подтверждает исследователь А.И. Петров, ссылаясь на многочисленные источники⁵.

В поездках Николая Васильевича сопровождал информатор – кореец, окончивший учительскую семинарию в Казани. Информатор помогал налаживать контакты с местным населением, которое не доверяло русскому врачу. "Желая добиться доверчивого отношения корейцев, ближе ознакомиться с их национальной медициной", пишет Кирилов, "я должен был "уважать" их суеверия, опасался действий, которые могли бы возбудить подозрения, остаться непонятыми"⁶. Преодолеть барьер взаимного непонимания Кирилову не удалось: например, когда он измерил четырёх мальчиков Янчихинской школы, то эти исследования были истолкованы корейским населением как определение годности к военной службе.

Отмечая этот эпизод, Николай Васильевич пишет, что корейцы, получившие русское подданство и фактически пользовавшиеся всеми правами наравне с русскими крестьянами, тем

¹ Там же, с. 110.

² Там же, с. 11.

³ Петров А. И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России: 60– 90-е гг. XIX в. - Владивосток, 2000. - С. 16.

⁴ Кирилов Н. В. Корейцы. Антропологический очерк // Записки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Т. 9. Вып. 1. – Хабаровск: Типография Канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1913. – С. 15.

⁵ Петров А. И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России: 60 – 90-е гг. XIX в. - Владивосток, 2000. - С. 96 – 97.

⁶ Кирилов Н. В. Корейцы. Антропологический очерк // Записки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Т. 9. Вып. 1. – Хабаровск: Типография Канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1913. – С. 16.

не менее, до 1909 г. в армию не призывались.

На Имане в 1911 г. Кирилов обнаружил два корейских селения, в которых проживали семейные корейцы. Они занимались земледелием. На своих наделах корейцы содержали ещё и арендаторов – новых выходцев из Кореи. По мнению Кирилова, преобладали северные корейцы, встречались фамилии "Ким" и "Пак", но точно установить их начальное происхождение не удалось, так как при опросах корейцы путали показания, приспособившись к "паспортным сведениям"¹.

Иммиграционная политика российских властей по отношению к корейским поселенцам была предельно либеральной. Исследователь А.И. Петров отмечает, что корейцам для въезда на российскую территорию даже не требовалась консульская виза. Более того, "корейцы... в течение одного месяца со дня перехода границы имели право проживать на русской территории по своим национальным паспортам"². Пользуясь этим правом, корейцы разбредались по всему краю совершенно бесконтрольно. Но даже если кореец и получал вид на жительство, то, согласно правилам, по этому документу в России могла проживать целая семья. Корейцы активно пользовались этим несовершенством в русском законодательстве.

В 80-е гг. XIX в., пишет Н.В. Кирилов, "взгляд администрации на корейцев переменялся: их стали считать нежелательным элементом в крае с политической точки зрения, дивились их упорству в отстаивании своей религии, обычаев, языка, нашлись даже такие власть имущие особы, от которых зависело дать своевременно школы корейцам, но которые упрекали их в полном невежестве в деле огородничества и полеводства, называли их хозяйство хищническим для страны"³.

Для учёта податных сил, продолжает Кирилов, наша администрация переписала все "мужские души" русскоподданных корейцев на дощечки и приказала вывесить эти дощечки у наружных дверей каждой фанзы. По этим дощечкам в волостных управлениях велись посемейные списки. Но корейцы скрывали от властей число умерших; оно "оказывалось поразительно малым". По наблюдениям исследователя, на место умершего члена семьи из-за границы приезжал родственник и его принимали в семью. Кроме того, если кореец продавал надел и уезжал на родину, то покупатель брал его имя⁴. Иными словами, заключает Кирилов, русским властям не удалось наладить эффективный учёт корейского населения.

¹ Там же, с. 18.

² Петров А. И. Корейская диаспора в России. 1897 – 1917 гг. - Владивосток, 2001. - С. 59.

³ Кирилов Н. В. Корейцы. Антропологический очерк // Записки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Т. 9. Вып. 1. – Хабаровск: Типография Канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1913. – С. 13 - 14.

⁴ Кирилов Н. В. Корейцы. Антропологический очерк // Записки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Т. 9. Вып. 1. – Хабаровск: Типография Канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1913. – С. 14.

На Амгуни в 1915 г. корейские крестьяне на оброчном праве проживали в двух посёлках – Удинском складе и Сергие-Михайловском. Кирилов обращает внимание на зажиточность корейцев по сравнению с русскими поселенцами. Так, например, корейцы, не получая никакой помощи от государства, за свой счет содержали частную школу на 12 учеников, обучавшую корейской грамоте¹.

Сезонные рабочие, нередко вместе с семьями, ежегодно мигрировали в Россию на заработки. Они нанимались поденными или месячными рабочими к русским крестьянам. Во многих "старожильческих сёлах для них были построены "общественные фанзы" вместимостью около 40 человек, "кроме того, масса корейцев живёт по заимкам у крестьян и казаков или даже своими фанзами на арендуемых землях"². Также корейцы работали на Маньчжурской железной дороге, на золотых приисках по рекам Зея и Амгунь.

В Мауке (западный берег Сахалина) на промыслах морской капусты фирмы купца Семенова работало около ста корейцев, сообщает Н. В. Кирилов. "Некоторые жили безвылазно, завязали связи семейные с аинками; более половины работало уже по 7 и более лет, четверо переехали сюда со своими семьями"; другие на зиму возвращались во Владивосток, откуда были завербованы, или даже в Корею. Кирилов проводил среди них антропологические измерения, заманивая корейских рабочих раздачей табака. Николай Васильевич отмечает, что всего к нему явились 58 человек, измерить удалось 53 человека. Остальные не подошли по медицинским показаниям. "Хотя все они называли себя корейскими именами, но ручаться за действительную принадлежность таковых носителям нельзя, так как они соответствуют, вероятно, казённым "паспортам"³, пишет исследователь, уточняя, что исследуемые давали сбивчивые ответы на предлагаемые вопросы³.

Во Владивостоке Кирилов пробовал заманивать к себе на квартиру гуляющих по городу корейцев (туристов) и поденщиков-кули; первых исследователь угощал, а вторых задерживал за плату. К его досаде, больше трёх-четырёх измерений никто из них не позволял, все уклонялись и бежали. Главной проблемой, сообщает Николай Васильевич, было отсутствие хорошего переводчика, который мог бы объяснить испытуемым смысл измерений⁴. Исследователь А.И. Петров уточняет, что большинство проживавших в 1902 г. во Владивостоке корейцев не имели российского подданства, не умели говорить по-русски и были заняты тяжёлым физическим трудом⁵.

Описывая поведение корейцев во время эпидемических за-

¹ РГИА ДВ, ф. 702, оп. 3, д. 555, л. 3 оборот.

² Кирилов Н. В. Корейцы. Антропологический очерк // Записки Приамурского отдела Императорского русского географического общества. Т. 9. Вып. 1. – Хабаровск, 1913. – С. 13.

³ Там же, с. 17.

⁴ Там же.

⁵ Петров А. И. Корейская диаспора в России. 1897 – 1917 гг. - Владивосток, 2001. - С. 195.

болеваный, Н. В. Кирилов сообщает, что они бросали неблагополучное жилище (*фанзу*) и уходили в дальние сёла к родным и знакомым, тем самым способствуя распространению болезни. "Более благоразумные соседи уходят в горы, раскидывают палатку, живут в течение месяца в изоляции, посылая одного из семьи за провиантом раз в три дня. При этих посещениях неблагополучного села, хутора (*фанзы*) часто и в "палатку" заносится вновь инфекция, и тогда стойчески болеет и вымирает вся семья, не разделяясь более"¹. Больных оспой корейцы вообще не показывали посторонним из-за суеверия.

Во время исследований на Имане в 1911 г. Кирилов отметил изменение отношения корейцев к русским врачам. Многие корейцы приходили лечиться. Воспользовавшись услугами местного учителя, Кирилов уговорил их подвергнуться антропологическим измерениям. Всего было измерено 19 мужчин, 14 женщин и 17 детей младше пятнадцати лет.

Эти изменения Кирилов объясняет тем, что "во-первых, воинская повинность уже среди русскоподданных [корейцев] введена, - и отбывают её охотно, во-вторых, за последнее время корейцам больше дороги открыто к обеспеченному существованию; многие кончившие школы поступают в писаря, приказчиками, десятники; из них выработались и подрядчики для работ дорожных, строительных, хорошо усвоившие русскую грамоту и знание элементарных законов; в третьих – произошёл перелом во взгляде руководящих сфер на относительную оценку достоинств корейцев в крае"²: российские власти стали ограничивать переселение выходцев из Северо-Восточного Китая в Приморье и поощрять корейскую иммиграцию.

Н.В. Кирилов дал положительную оценку российской иммиграционной политики: "Для меня несомненно, что корейцы – благодарный элемент для колонизации и дальнего севера охотско-камчатского края. Стоит дать им там небольшой земельный надел, и они оживят край, вновь возродят [парусное] судоходство, вырастят злаки и овощи..."³.

Наблюдения Н.В. Кириловым корейских поселенцев на российском Дальнем Востоке в начале XX в. являются ценным материалом по истории российских корейцев. Отдельного внимания заслуживает политика царской России, направленная на привлечение на российскую землю корейских поселенцев. Опыт контролируемой колонизации российского Дальнего Востока нерусским населением в начале XX в. становится актуальным сегодня из-за сокращения численности населения в современной России.

¹ Кирилов Н. В. Корейцы. Антропологический очерк // Записки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Т. 9. Вып. 1. – Хабаровск: Типография Канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1913. – С. 109.

² Кирилов Н. В. Корейцы. Антропологический очерк // Записки Приамурского отдела Императорского русского географического общества. Т. 9. Вып. 1. – Хабаровск, 1913. С. 18 – 19.

³ Там же, с. 14.